

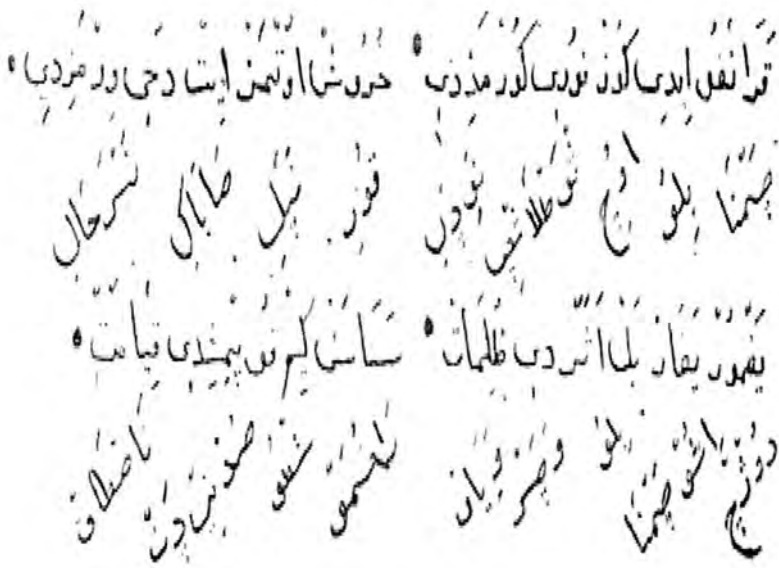
**Ivano Luckevičiaus Kitabas. Lietuvos totorių paminklas.
Китаб Ивана Луцкевича. Памятник
народной культуры литовских татар.**

Чеслав Лапич

Автор-составитель: Галина Мишкинене; первичная транслитерация текста: Сигита Намавичюте; транслитерация арабских вставок: Екатерина Покровская; транслитерация турецких вставок: Хусейн Дургут; научный редактор: Галина Мишкинене; редактор: Бируте Синочкина. Вильнюс: Институт литовского языка, 2009. с. 800.

Китаб Ивана Луцкевича первой половины XVIII века – специфическая рукопись татар Великого княжества Литовского, которая уже давно и хорошо известна в литературе, однако только из косвенных обсуждений разных авторов, многочисленных отнесений и цитирований разной степени точности и детальности с использованием различных, чаще всего мало адекватных, транслитерационных и транскрипционных систем. В научной среде манускрипт существует с 1915 года, когда был найден в татарской местности Сорок Татар Иваном Луцкевичем и им же проанализирован в журнале «*Наша Ніва*» (Вильнюс 1920, 28–39). До 1945 года рукопись хранилась в Белорусском музее им. И. Луцкевича в Вильнюсе, после войны была передана Библиотеке Академии наук Литвы, где и находится по сей день. До сегодняшнего дня больше всего внимания этому памятнику уделил белорусист Ян Станкевич, однако и этот

исследователь не пошел дальше публикации фрагментов текстов (напр., в XII ежегодном журнале *Slavia* с 1933–1934 гг.), а также немного более детального обсуждения фонетики (в публикации 1954 года, изданной в Нью-Йорке). Использованная Станкевичем субъективная неадекватная система транскрипции арабского алфавита на кириллицу усложняла или просто делала невозможной правильную историко-языковую интерпретацию этого манускрипта. Ниже представлена репродукция фрагмента китаба Луцкевича, содержащего часто встречаемую в рукописях литовских мусульман легенду Мерадж, которая описывает ночное восхождение на небо пророка Мухаммада:¹

В работе Я. Станкевича транслитерация фрагмента, описывающего ночное путешествие Мухаммада, на белорусскую версию кириллицы является очень неточной и заметно отличается от записи в

1 На основании: *Станкевич Я.* Беларускія мусульмане і беларуская літатура арабскім пісьмом. Вільня, 1933. С. 19.

арабском оригинале: *Цемна было, вочы сьветласьці ня відзелі, куры ня пелі, сабакі не брахалі. Дождж ішоў, цемна было, вецер веяў. Разумеў, што судні дзень настаў.*²

Точная транслитерация славянской части (в данном случае белорусской с польскими элементами – диагональные линии) на латиницу выглядит следующим образом: *cemna bilo ūči švetlāšci ne vizeli kūri ne peli s̄abāk'i ne brexāli dūžč tšuv cemna bilo vecer vejāv razumev što sudnij zen nāstāv* [латинская орфографическая версия: *ciemna bylo, oczu świetlāšci nie widzieli, kury nie piali, sabaki nie brechali, dozcz iszuv, ciemna bylo, wiecier wiejāv, razumev szto sudnij dzień nastāv...*]. В транслитерационном же варианте, применяемом авторами рецензированной публикации (страницы публикации 480–481, страницы рукописи китаба – 108 А, стихи 5–6), этот фрагмент был записан следующим образом: *цeмнa билō бчи с̄ветлaс̄ци не видзели кури не пели сабак'и небрехали дб̄жч ишōв цeмнa билō вeцeр вeйaв рaзумeв штō судний дзeн нaстaв*. Четко видно, что разница в прочтении и записи приведенного для примера фрагмента китаба значительная, а ее последствием могут быть разные интерпретации фонетического оформления текста, которые также ведут к ошибочному датированию манускрипта.

Также нет ничего удивительного в том, что, используя недостаточно точные методы исследования, Ян Станкевич ошибочно датировал памятник XVI веком,³ в то время как возник он фактически – как копия более ранних оригиналов – в первой половине XVIII века. Более того, датирование Станкевича использовала в своих работах Галина Турская (возможно, также и другие исследователи),

---

2 Согласно свидетельству самого Станкевича (там же. С. 17) транскрипции исследуемого им текста китаба Луцкевича проводили в 1924 г. – при участии автора работы – арабистка Мария Тауэр из Праги и З.С. Кадермет.

3 Когда Я. Станкевич писал об исследуемом им китабе, то однозначно утвердил: *Напісаны ён быў у XVI в. ў віленска-ашмянскай мове* (там же. С. 17). Возможно, Станкевич датировал исследуемую им рукопись вслед за И. Луцкевичем, который, кажется, первым датировал памятник именно этим периодом.

которая на этой основе ошибочно истолковала некоторые исследуемые ею языковые факты польского языка северных окраин.⁴

Очередным исследователем, детально описавшим памятник с палеографической стороны, охарактеризовавшим использованную в нем систему графики и орфографии, а также опровергнувшим ошибочное датирование памятника Яном Станкевичем, был А.К. Антонович – автор уже классической работы о графике и орфографии рукописей татар Великого княжества Литовского,⁵ которая фактически положила начало развитию новой филологической субдисциплины – китабистики.

Авторы рецензированной работы взяли на себя нелегкое задание сделать доступным для науки не только *facsimile* мусульманского манускрипта, написанного арабским алфавитом, но и произвели его полную транслитерацию на кириллицу и перевод на современные литовский и русский языки. Первоисточник снабжен компетентными, подробными и очень ценными филологическими комментариями.

Публикацию открывает обширное двуязычное (литовское и русское) вступление, в котором не только охарактеризована письменность татар-мусульман Великого княжества Литовского как оригинальное религиозно-культурное явление, но также детально рассмотрены все существенные аспекты этого конкретного памятника (палеография, содержание и структура китаба, стилистика, типичная для Корана и тефсиров, косвенное датирование по водяным знакам на бумаге, методологические проблемы перевода и т.д.). Следует также обратить внимание на тот факт, что авторы публика-

---

4 Например, на определения Я. Станкевича, содержащиеся в его труде “Příspěvky k dějinám běloruského jazyka na základě rukopisu ‘Al-Kitab’,” *Slavia* XII:3–4 (1934), pp. 357–390, Галина Турска ссылалась между прочим в работе “O powstaniu polskich obszarów językowych na Wileńszczyźnie,” [перепечатка] J. Rieger and W. Werenicz, *Studia nad polszczyzną kresową*, t. I (1982), p. 102. Автор ссылалась здесь на рукопись Аль-Китаба (Луцкевича) как на белорусский памятник конца XVI или начала XVII века.

5 Антонович А.К. Белорусские тексты, писанные арабским письмом, и их графико-орфографическая система. Вильнюс, 1968. С. 50–57.

ции приняли во внимание уже существующие исследовательские и издательские достижения в области китабистики, что значительно повышает научную ценность работы, позволяя соотнести ее с другими похожими публикациями. В рецензированной работе авторы использовали и другие подобные рукописи, главным образом китабы, чтобы на их основе можно было дополнить и, возможно, реконструировать неразборчивые, уничтоженные или пропавшие фрагменты исследуемой рукописи. Сопоставление с другими рукописями, например, с китабом Корицкого, позволило упорядочить хаотичную и запутанную нумерацию страниц китаба Луцкевича согласно логическому и естественному течению повествования и структуре текстов.

Однако, как подобает опытным и ответственным исследователям, вводя логический и обоснованный порядок в последовательности страниц, авторы не убрали прежней ошибочной пагинации предыдущих исследователей. Благодаря этому не только сохранилась верность в исследовании, но и проявился масштаб недоразумений и ошибок, сделанных предыдущими исследователями этого манускрипта. Читателя, не ознакомившегося с примечаниями авторов к публикации, может застать врасплох тот факт, что, например, после страницы фотокопии 1b идут страницы 3b, 3a, 2a, 2b, 4b, 4a – и дальше согласно цифровому порядку. Таким образом авторы показали очередные, до сих пор неизвестные ошибки в нумерации страниц и разместили фотокопии согласно логическому течению повествования, однако сохраняя их прежнюю ошибочную пагинацию. Верификация этих ошибок стала возможной благодаря безупречной мериторической и методологической подготовке авторов (известных исследовательниц письменности литовско-польских мусульман), их хорошему знакомству с памятниками письменности татар Великого княжества Литовского, и тем самым возможности принятия во внимание широкого диапазона для сравнения, а также благодаря хорошему знанию богатой китабистической литературы.

Приведенные выше общие примечания и оценки рецензированной работы позволяют сформулировать однозначно позитивное мнение о ней, однако в связи с обязанностями рецензента я представляю несколько более детальных замечаний, в том числе и критических.

Читатель, особенно польский, может сожалеть, что публикация вышла на русском и литовском языках, которые фактически отсутствуют в письменности татар Великого княжества Литовского. Для китабов скорее характерны белорусский и польский язык (не считая арабского и турецкого, а также перского, которые являются главными языками мира ислама). Однако трудно ожидать и требовать, чтобы изданная в Литве литовскими исследователями, а также в какой-то мере адресованная литовскому читателю публикация обошла литовский язык. Присутствие русского языка объясняется его функциональностью и широкой известностью в странах возникших после распада бывшего Великого княжества Литовского: Литве, Белоруссии, Украине, а также Польше. Именно в этих странах публикация найдет благодарных адресатов, в том числе и проживающих там современных приверженцев ислама – потомков литовско-польских татар. Зато оба традиционных славянских языка китабов – (старо)белорусский и (старо)польский – очевидным и естественным способом присутствуют не только на фотокопиях манускрипта (хотя в данном случае скрыты под покровом арабского алфавита), но также в версии транслитерированной на кириллицу, которая содержит ценный историко-языковой материал из этих двух языков, и именно за этот оригинальный первоисточник авторам работы особенно будут благодарны исследователи истории белорусского и польского языков.

Несомненно транслитерация на кириллицу (старо)белорусского и (старо)польского текста, записанного арабским алфавитом, усложнит восприятие и интерпретацию фактов истории языка, особенно полонистам и польскоязычным, однако, с моей точки зрения, не сделает их невозможными. В этом убеждает работа А.К. Антоновича,⁶ в которой автор с успехом применил разработанные им системы конверсии (транскрипции и транслитерации) белорусских и польских текстов, записанных арабским алфавитом, на кириллицу. Авторы, впрочем, используют в своей работе проверенную в исследовательской практике систему Антоновича. Используя в публикации эту систему транслитерации мусульманских текстов,

---

6 Там же.

записанных арабским алфавитом, авторы сохранили некоторую методологическую непрерывность вильнюсской китабистики, основы которой заложил более сорока лет назад именно А.К. Антонович, а достойными продолжательницами его исследований являются авторы рецензированной работы, а также другие исследователи из филологической и исторической вильнюсской среды. В деталях эту систему можно критиковать, например, указывать на присутствие кириллического диграфа дз (*дзен* «день») как транслитерационного эквивалента оригинальной арабской графемы <ﺍ + три точки внизу>, однако эта система уже распространилась и оправдала себя во многих публикациях, относящихся к литературе предмета. Жаль, что авторы не включили в публикацию сопоставительных таблиц с заменой арабских графем эквивалентными им кириллическими, что упростило бы читателю восприятие транслитерированной версии. Зато турецкие (османские) языковые фрагменты рукописи верно были транслитерированы на латинский алфавит согласно общепринятой в международной практике системе конверсии алфавитов; использованный авторами способ обозначения арабских букв латинскими в османской языковой прослойке был показан в соответствующей таблице (стр. 43).

Глубокий, компетентный анализ текста китаба позволил авторам разгадать множество загадок, касающихся содержания рукописи. Эти механизмы можно хорошо показать на примере сознательного и осмысленного пропуска переписчиком или компилятором коранического фрагмента китаба Луцкевича, в котором идет речь о возможности мусульманина вступать в брак даже с четырьмя женщинами. На новой родине государственное право не позволяло этого, поэтому такая запись становилась в правовых условиях Великого княжества Литовского (позже – Республика Обоих Народов) мертвой и ненужной. Однако механический пропуск компетентным переписчиком этого фрагмента приводил к появлению случайного и нелогического сращения текста. Чтобы его обнаружить и объяснить, потребовалось много кропотливой сравнительной работы и соотнесения с другими мусульманскими рукописями, в данном случае с китабом Корицкого. Само явление переделывания или механического пропуска фрагментов, лишних или неуместных по мнению

переписчика или компилятора, в татарских памятниках особенно часто имело место при адаптации христианских (католических) текстов и сюжетов (легенд, преданий, рассказов...) к мусульманским потребностям. Хорошо показывает это, например, участь христианского рассказа Кшиштофа Пуссмана, содержащегося в так называемом китабе Милкамановича (1772 г.). Описанная в нем история прародителей человеческого рода Адама и Евы была перенесена в мусульманский китаб как большой фрагмент христианского произведения, написанного в 1543 году, а изданного в 1551 году в Кракове под названием: *Historya barzo cudna i ku wiedzeniu potrzebna o stworzeniu nieba i ziemie i innych wszystkich rzeczy, które i żywą na świecie, i jako potem Pan Bóg człowieka to jest Jadama i Jewę z kości jego stworzył, a jako żywota swego na tym świecie dokonali etc. Teraz nowo na polskie z pilnością wyłożona...* Мусульманский компилятор (компиляторы?) убрал из текста К. Пуссмана или соответственно переделал все те фрагменты, которые посчитал противоречащими догматике, учению и практике ислама.⁷

Сравнительное соотнесение с другими рукописями (например, с китабом Корицкого) позволило авторам прийти к очень важному и полностью обоснованному выводу, что, возможно, китаб Луцкевича сначала насчитывал на 92 страницы больше; страницы эти вероятно были безвозвратно утеряны.

Эти подробности я подаю в рецензии для того, чтобы четко показать и обосновать, насколько много новых, совершенно оригинальных выводов сделали авторы, систематически и всесторонне изучая рукопись, которая раньше уже была предметом исследований как минимум нескольких их предшественников. Однако прежние, чаще всего фрагментарные исследования, множили неопределенность и недоразумения, которые авторы тщательно и компетентно исправляют. Собственно такие факты предопределяют большую научную ценность рецензированной работы.

---

⁷ Jankowski, Łapicz, *Klucz do rajy. Księga Tatarów litewsko-polskich z XVIII wieku* (Warszawa, 2000), pp. 187–192.

В своей работе авторы были вынуждены решить много очень трудных методологических проблем транслитерации и трансляции исторического текста (**китаба**), внутренне очень неоднородного, например, во временном отношении (китаб аккумулирует тексты и языковые факты с XVI–XVIII вв.); в географическом (тексты содержат особенности разных белорусских диалектов); в системном (тексты многоязычные, прежде всего белорусские; но также польские, арабские и османские); в конце концов – с точки зрения содержания (в памятнике очень разнородные тексты, начиная с мусульманских молитв и изложения истин исламской веры с характерной им специфической религиозной терминологией и заканчивая притчами, преданиями и легендами). Так очень разнородный текст китаба был окончательно переведен на современный литовский и русский язык. Авторы совершили критический обзор теоретических аспектов такого перевода, представили точки зрения в этом отношении, однако окончательно сами выбрали собственное решение как наиболее пригодное в переводе специфического текста китаба; свои трансляторские решения они убедительно обосновали как теоретически, так и практически. Стоит полностью одобрить принятое авторами разрешение перевода, поскольку ни одна из существующих общих теорий перевода исторических текстов не может быть некритически и безоговорочно использована для таких специфических и сложных во многих аспектах текстов, как китабы татар Великого княжества Литовского; многочисленные трансляторские теории требуют здесь далеко идущей адаптации к потребностям и целям конкретной публикации. Опытные авторы выбрали самое лучшее решение в этом случае, приближенное к филологическому методу перевода.

Филологические достоинства рецензированной публикации первоисточника текста китаба очевидны, а научная польза будет многообразной. Издание было подготовлено очень тщательно и компетентно, с учетом специфики памятника и с соблюдением всех издательских принципов перевода историко-языковых текстов. Это важный, с давних пор постулированный исследователями письменности литовско-польских мусульман этап в китабистических исследованиях. Он, несомненно, поспособствует появлению очередных аналитических и синтетических работ в области письмен-

ности татар Великого княжества Литовского. Данную публикацию можно и нужно посоветовать не только исследователям-китабистам (китабологам), но также историкам-славянистам, исследователям славянско-ориентальных языковых отношений, религиоведам и теолингвистам. А прежде всего – современным приверженцам ислама, которые не могут читать свои рукописи в оригинале, то есть в записи арабским алфавитом.

Следует очень высоко оценить уровень публикации; она имеет все черты «национального издания», спонсирована высокими государственными учреждениями Литвы: Дирекцией по празднованию тысячелетия Литвы при канцелярии Президента Литовской Республики, Фондом поддержки культуры Литовской Республики, Департаментом национальных меньшинств и эмиграции при Правительстве Литовской Республики, Литовским государственным фондом по науке и образованию, Научным советом Литвы.

Работа коллектива авторов, подготовленная под руководством Галинины Мишкинене, полностью заслуживает позитивного восприятия и высокой оценки как со стороны читателей, интересующихся историей, культурой, религией татар-мусульман Великого княжества Литовского, так и со стороны исследователей-специалистов, особенно славистов, ориенталистов, этнологов, теолингвистов и историков.